

Ужасы Дахау не вытравить из памяти

Украдено детство у пяти миллионов, побывавших в фабриках смерти, испытавших нечеловеческие мучения, каторжный труд, голод, ставших подопытными для преступных лабораторий фашистов. Этого мир не имеет право забыть.

Слова «узник концлагеря» вызывают внутреннее оцепенение, сознание отказывается принять, что такое зверство вообще возможно. Сострадание и с трудом сдерживаемые слёзы переполняли меня, когда слушала рассказ жительницы Жигулёвска Полины Лукьяновны Тимчук, на себе испытавшей то, о чём страшно вспоминать.

Она попала в застенки концлагеря Дахау в тринадцать лет и пробыла там два года. 1943 год, Украина, Хмельницкая область, село Климовка. Немцы появились здесь неожиданно. На больших серых мотоциклах, в шлемах с изображением черепа, на большой скорости, с криками «Хайль Гитлер» ворвались в село. Детям интересно было посмотреть на «пришельцев», но мама в ужасе схватила всех пятерых и потащила в сарай. В тот же вечер немцы, ограбив сберкассу, стали швырять мелочь в придорожную пыль, а затем сгонять малолетних за «подарком». Защелкали фотоаппараты. Раздался хохот, солдат веселил вид детей, ползающих в пыли.

Жили как на пороховой бочке: утром немцы, ночью пробирались партизаны. Страх сковывал и старых, и малых. Малейший сигнал - и вся семья на расстрел. Начались облавы. Чтобы спасти детей, мать мазала их и себя сажей, а гестаповцам кричала на польском языке слово «тиф». Кстати, мама хорошо владела польским, английским, немецким языками.

После очередной облавы немцы подожгли крайнюю хату, огонь полыхнул и в их доме. Всех согнали в погреб. Полина Лукьяновна до сих пор помнит направленный на неё автомат, секунда - и выстрел оборвал бы жизнь большой семьи. Спасло чудо: второй автоматчик что-то прокричал и оба быстро ушли.

Начали сгонять подростков для отправки в Германию. На железнодорожной станции в переполненном сарае в сильный мороз заледенела Полина вместе с ребятами. Немец схватил её и брата за воротник, затолкнул в вагон. Больше брата она не видела до конца войны.

Ехали сутки в ледяном товарном вагоне, туалетом служил угол. По волосам поползли вши.

В концлагере под Мюнхеном перед отправкой в барак всех обрили налысо, выдали полосатую робу и деревянные башмаки. Её барак имел номер 19, здесь с ними были и старики, которые жалели ребят, оттирали им обмороженные ноги, успокаивали, укладывали малышей на нары.

Всех, кто плакал или ослабевал, заболел, тут же уводили. Их ждал расстрел или газовая печь.

Два года в концлагере для Полины равны целой жизни: на работу гнали с собаками, кормили хлебом из опилок и подмороженным шпинатом. Она превратилась в скелета. После войны Полина Лукьяновна долгие годы старалась вытравить из памяти ужасы концлагеря, никому ни о чём не рассказывать. Но один эпизод до сих пор будоражит душу.

- Узники возвращались с работы, девочка споткнулась и упала. Тут же на неё кинулась огромная овчарка и прокусила руку. От боли и вида крови потеряла сознание. Её подхватил старый поляк и понёс, спас от неминуемой смерти. Рваная рана не заживала долго.

Перед бараком каждое утро выстраивали на плацу детей, их, а это чаще всего были мальчики, отбирали и уводили. Назад большинство не возвращалось, некоторые поползали чуть живые.

Полину сдача крови обошла стороной.

Заканчивался 1944 год, лагерь и прилегающие территории постоянно бомбили английские и американские самолёты. Весной 1945-го разнёсся слух, что немцев погнали и войне скоро конец.

Каратели хотели скрыть следы преступлений. Они согнали всех на плац, окружили танками и автоматчиками. Узники приготовились к расстрелу. И тут раздался истошный крик:

- Ложись!

Припали к земле, закрыли уши. Один самолёт пролетел совсем низко и уничтожил танки. Освобождали их союзники.

Полина Лукьяновна помнит, как её, чуть живую, вынес из барака негр, кудрявый-кудрявый. Ей очень захотелось погладить его густые волосы. Детей отправили в госпиталь, отмыли переодели, стали сытно кормить. Полина быстро поправилась, волосы заплетала в длинные косы.

Теперь уже бывших узников стали готовить к отправке домой и через переводчика звали поехать в Америку и Англию. К Полине подошёл англичанин, обнял, сказал, что она очень похожа на его дочь, показал фото своего дома на берегу озера, но услышал в ответ: «Домой хочу, в Россию, на родину!» Возвращалась уверенная, что всё ужасное навсегда позади.

Как сейчас, помнит она родное село, от которого остались погребя да дымок над ними. Видит, бежит к ней босиком женщина, юбка из мешковины в заплатках, тёмный платок закрыл лицо. Подбежала, целует, крестит, плачет и причитает: «Бог дал свидеться, уж сколько молилась, ждала». Стояли обнявшись, умываясь слезами. К счастью, их семья

сохранилась, никто не погиб.

Мирная жизнь щедро вознаградила Полину Лукьяновну за пережитое. Редко встретишь человека, который в весьма почтенном возрасте такой оптимист:

- Я счастливая. Благодарю судьбу за мужа, единственного, с которым душа в душу прожила долгую жизнь. Не было в нашей семье алкоголя, шума, ссор, выяснения отношений. Он более полувека проработал на ЖКСМ. Сейчас его уже нет. Вырастили дочку и сына, оба окончили школу с золотой медалью, получили высшее образование, живут в Москве. Трое внуков, есть правнук. У нас в семье все знают иностранные языки. Я владею немецким и немного итальянским, дети и внуки изучили по два-три языка. Это у нас наследственное.

Дети зовут меня в Москву, но я люблю наш городок, да и с друзьями расставаться не хочу. Я по характеру боевая, голосистая. Бывало в пионерлагере «Жигулёвский Артек» - я там каждый год бессменно работала старшей пионервожатой - без микрофона выступала перед сотнями ребят.

Полина Лукьяновна и сейчас без дела не может: соседке помогает с ребятишками. Водит их в кружки и секции, гуляет с ними в парке. У неё с детьми любовь взаимная.

Каждый день раздаётся звонок в дверь:

- Бабуля, вкусненькое есть?

- Есть, дорогие, заходите! - отвечает.

Живо в ней желание помогать тем, кто рядом. Многие лета вам, добрый человек.